1. Къ вопросу о церковной реформѣ.

---

2. Соборъ или съѣздъ?

Проф. Н. К. Никольскаго.

Цѣна 25 к.

МОСКВА.
Типографія Д. Н. Бутаева, Долгоруковская ул., д. № 18.
1910.

1. Къ вопросу о церковной реформѣ.

2. Соборъ или съѣздъ?

Проф. Н. К. Никольскаго.

МОСКВА.
Типографія Д. Н. Бутаева, Долгоруковская ул., д. № 18.
1910.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
212884

Къ вопросу о церковной реформѣ.

I.

Проектъ заявленія относительно задачъ предстоящей церковной реформы, составленный группою профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи.

Современное оживленіе народнаго самосознанія и преобразованія русскаго строя обѣщаютъ произвести глубокія измѣненія въ состояніи отечественной церкви. Если до послѣдняго времени она жила подъ оградою и водительствомъ внѣшней власти, то при ожидаемой независимости печати и слова, при свободѣ вѣроисповѣданій, при общественномъ самоуправленіи, русской церкви предстоитъ возродиться въ учрежденіе, почерпающее свою самобытную силу изъ правоты и жизненности своихъ вѣрованій. Отсюда для будущей церкви неизбѣжно открываются новыя и сложныя задачи, которыя уже обрисовываютъ предъ средоточіями высшей духовной науки небывало широкое, просвѣтительное поприще.

Подготовляясь къ этому грядущему подвигу, но не скрывая отъ себя и предстоящихъ тягостей, С.-Петербургская духовная академія предъ началомъ его чувствуетъ за собою нравственную обязанность выразить по поводу нихъ свои пожеланія, примѣняя къ себѣ слова: „Сыне человѣчъ, стража дахъ тя дому Израилеву, да иже видя рать приходящу, а не возвѣщаеши, кровь ихъ изыщу отъ руку твоею“ (Іезек. III, 17—18).

Наблюдая за текущей вокругъ себя жизнью, Академія съ прискорбіемъ видитъ прежде всего, что новыя задачи, постав-

ленныя предъ лицомъ церкви, застаютъ ее малоподготовленною къ надлежащему ихъ разрѣшенію.

Вѣковая привычка находиться подъ защитою и попеченіемъ государственной власти, недостатки въ системѣ и формахъ церковнаго управленія, стѣсненіе строго научныхъ изысканій вѣчной истины, ограниченія свободныхъ проявленій живой религіозности: въ проповѣди, въ богослуженіи, въ устроеніи общественной жизни, разъединеніе мірскихъ членовъ церкви отъ іерархіи и высшей іерархіи отъ низшей— все это ослабило живыя силы церкви. Онѣ оскудѣли и омертвѣли, а послѣдствіемъ этого явился общій застой духовной жизни.

Всѣ, кому дорого благо церкви, съ сердечнымъ сокрушеніемъ сознаютъ и указываютъ, насколько наличныя руководящія силы ея оказываются недостаточными для того, чтобы успѣшно отвѣтить на всю совокупность трудныхъ и многообразныхъ запросовъ переживаемаго возрожденія. Жатвы давно стало много, а истинныхъ и сильныхъ духомъ дѣятелей давно стало мало.

Послѣ тщетныхъ исканій вполнѣ осмысленной и живой вѣры въ предѣлахъ внѣшней церкви значительная часть общества и народа ушла за ограду церковную.

Если другая часть простого народа и образованнаго общества продолжаетъ еще пребывать въ общеніи съ церковью и ея представителями, то это общеніе, часто только наружное, обязано силѣ унаслѣдованныхъ традицій, укоренившагося обычая и спокойной привязанности къ старинным формамъ благочестія и не служитъ достаточныхъ доказательствомъ удовлетворительной постановки у насъ пастырскаго душепопеченія. Многочисленныя секты, несмотря на всѣ правительственныя мѣропріятія, стѣснявшія пропаганду неправославныхъ ученій и несмотря на дѣятельность священнослужителей, уже давно пользуются въ народѣ, ищущимъ живой вѣры, все болѣе и болѣе увеличивающимся успѣхомъ.

Наступающая эра свободныхъ вѣрованій грозитъ современному состоянію церкви еще болѣе тяжелыми послѣдствіями. Необходимо, поэтому, немедленно пробудить, оживить и объединить всѣ ея спящія и разрозненныя силы.

Пути и средства къ этому намѣчаетъ исторія.

Торжество хрістіанскихъ началъ въ жизни общества и религіозное значеніе церкви обнаруживалось тѣмъ ярче и замѣт-

нѣе, а) чѣмъ неуклоннѣе церковная жизнь на своемъ пути и въ своихъ цѣляхъ слѣдовала священнымъ завѣтамъ Христа, завѣтамъ безкорыстной любви, чистѣйшей истины и неуклонной правды въ жизни; б) чѣмъ тѣснѣе и сплоченнѣе протекала совмѣстная жизнь іерархіи и паствы, т. е. всего тѣла церковнаго и в) чѣмъ болѣе было у церкви достойныхъ представителей, т. е. пастырей и учителей. Поэтому и въ настоящее время для возстановленія нормальнаго теченія церковной жизни необходимы условія, при которыхъ, во-первыхъ, было бы освящено, одобрено и поощряемо всякое искреннее стремленіе къ достиженія вѣчной (а не временной) истины и къ водворенію правды и святости въ жизни, при которыхъ, во-вторыхъ всѣ члены церкви, какъ іерархія, такъ и міряне составляли бы дѣйствительное единое цѣлое тѣло, живущее одною жизнью, а не раздвоенное на мірянъ и на двойственную бѣлую и черную іерархію, и при которыхъ, въ третьихъ, во главѣ церкви могли бы появляться истинные свѣтильники міру, лучшія церковныя силы по духу и праведности.

Академія вѣритъ, что для этого настоятельно необходимо:

1) Чтобы какъ богословской наукѣ въ ея исканія вѣчной истины, такъ и другимъ проявленіямъ религіозной жизни церкви была предоставлена христіанская свобода, какъ необходимое условіе творчества духа. Если будетъ стѣсняться здѣсь свобода, то не будетъ религіозной жизни въ церкви, и православіе останется по прежнему въ услуженіи у земныхъ и временныхъ началъ, подчиняясь потребностямъ минуты, цѣлямъ политическимъ, іерархическимъ, сословнымъ, классовымъ, и т. п., но не вѣчнымъ, всеобщимъ и незыблемымъ, хранительницей коихъ служитъ истинная церковь. Должна быть уничтожена духовная цензура и отмѣнено право отдѣльныхъ лицъ объявлять отъ имени церкви, что православно и что не православно. Такое право, по примѣру древней церкви, должно принадлежать соборному началу ея, а не единоличному или случайному.

2) Необходимо, чтобы въ церкви было возстановлено древнеапостольское начало соборности, понимаемое въ смыслѣ всеобщаго полноправнаго живаго соучастія въ церковной дѣятельности и чтобы это начало было послѣдовательно проведено въ жизнь, начиная съ приходскихъ общинъ, и затѣмъ постепенно

восходя къ епархіальнымъ, областямъ и помѣстнымъ соборамъ русской церкви.

2) Необходимо, чтобы были осуществляемы въ современной церкви первоначальные идеалы пастырства и іерархическаго служенія, чтобы всѣ обязанности и стремленія, несовмѣстимыя съ пастырствомъ и съ іерархическимъ служеніемъ, были устранены. Предѣлы полномочій и правъ епископата надъ клиромъ и низшимъ духовенствомъ должны быть водворены въ рамки древне-церковной нормы. Обязательность вошедшаго въ обычай совмѣщенія иночества съ вышими степенями церковно-административнаго служенія, не наблюдавшаяся въ древней церкви, не должна имѣть мѣста.

Примѣнительно ко всѣму этому должна быть произведена коренная реформа духовной школы.

II.

Объяснительная записка къ „Проекту заявленія", составленная проф. Н. Никольскимъ и читанная въ общемъ собраніи профессоровъ академіи въ маѣ 1905 года.

Современная русская церковь переживаетъ историческую минуту, отъ которой можетъ зависѣть какъ теченіе ея дальнѣйшей жизни, такъ и послѣдующее состояніе ея ученія.

Въ такую минуту Академія должна сказать свое слово. Молчаніе ея было бы преступнымъ, потому что кому, какъ не ей, на основаніи научнаго опыта предугадывать пути жизни къ источнику истины?

Весь міръ оповѣщенъ о томъ, что въ русской церкви что-то не ладно, что она нуждается въ пробужденіи отъ спячки. И, конечно, едва ли хоть одинъ благожелательный голосъ рѣшится возразить противъ этого общепризнаннаго наблюденія. Но что нужно русской церкви для того, чтобы выдти изъ тяжелаго ея состоянія?

Въ настоящее время почти общимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, служитъ: возстановленіе силы каноновъ, соборъ и соборность.

Должна ли Академія присоединиться безъ оговорокъ къ этому готовому и простому рѣшенію?

По моему мнѣнію, не должна, — потому что этотъ отвѣтъ не даетъ еще ничего опредѣленнаго. Онъ будетъ отвѣтомъ

Пиѳіи, которымъ можно будетъ злоупотребить. Академія же обязана освѣтить вопросъ болѣе положительными лучами.

Одна изъ отвѣтственныхъ задачъ Академіи, это—охранять истины, возвѣщенныя христіанствомъ, въ ихъ неприкосновенности, чистотѣ и универсальности, отстаивая ихъ неприкосновенность тогда, когда торжеству этихъ истинъ можетъ угрожать какая либо опасность. Съ этой точки зрѣнія мы и должны прежде всего оцѣнивать происходящія вокругъ насъ событія.

Если Академія выскажется обще за каноны, за соборъ, за соборность или даже за патріаршество, то выскажется ли она въ этихъ рѣшеніяхъ вопроса за торжество указанныхъ истинъ? Ничуть. Напротивъ, онѣ будутъ поставлены въ зависимость отъ случая и отъ лицъ. Только въ счастливомъ случаѣ онѣ получатъ возможность восторжествовать; но болѣе вѣроятно, что при современномъ состояніи вещей онѣ натолкнутся на подводные камни, и Академія окажется въ положеніи недальнозоркой сообщницы враговъ истинно христіанскихъ стремленій.

Историкамъ церкви и представителямъ богословскаго знанія неприлично заявлять, что въ *способѣ управленія*, хотя бы и узаконенномъ канонами, они видятъ вѣрный выходъ изъ современнаго состоянія церкви. Академія должна заявить, что если церковь рѣшилась начать свою жизнь чрезъ примѣненіе стародавнихъ принциповъ церковной жизни, то въ томъ только случаѣ оно можетъ привести къ упорядоченію и нормальному ходу ея, если оно прежде всего будетъ предназначено къ сохраненію истиннаго духа евангельскихъ требованій, и если только ради этого и послѣ этого предстоящія перемѣны будутъ сообразованы по мѣрѣ возможности съ каноническою буквою.

Нельзя ни на минуту упускать изъ вида, что древніе каноны были вызваны къ жизни въ цѣляхъ сохраненія чистоты ученія Христова и внѣ связи съ этимъ ученіемъ они являются обычными памятниками мертваго права. На основаніи *буквы* каноновъ можно устроить управленіе еретической общины, но это управленіе еще не обезпечиваетъ появленія въ ней истиннаго ученія. Поэтому нельзя, преклоняясь рабожѣпно передъ священною силою древнихъ каноновъ, какъ въ XVII вѣкѣ старовѣры предъ буквою богослужебныхъ книгъ, примѣнять помѣстныя и даже вселенскія постановленія къ текущей жизни, если такое примѣненіе ихъ къ русскому быту, внѣ прежнихъ

условій греко-римской жизни, грозитъ хотя бы малѣйшему отклоненію нашего ученія отъ важнѣйшаго въ законѣ (Мѳ. XXIII, 23).

Стремясь къ оживленію православной религіозной жизни, слѣдуетъ помнить слова апостола: „Если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анафема“ (Галат. I, 8—9). А мы знаемъ, что Христосъ благовѣствовалъ людямъ, что суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы. Христосъ сказалъ фарисеямъ: „Неужели вы никогда не читали, что сдѣлалъ Давидъ, когда имѣлъ нужду и взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ вошелъ онъ въ домъ Божій при первосвященникѣ Авіаѳарѣ, и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было есть никому кромѣ священниковъ, и далъ бывшимъ съ нимъ? И сказалъ имъ: суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“ (Марк. II, 24—27).

Точно также: каноны создавались для того, чтобы направлять церковную жизнь по правильному руслу, а не жизнь создавалась для того, чтобы во всей строгости подчиняться канонамъ, даже въ ущербъ сохраненію ученія Христова.

Никого такъ сильно не обличалъ Христосъ, какъ книжниковъ и фарисеевъ, которые исполняли букву закона, и оставляли важнѣйшее въ немъ: „судъ, милость и вѣру“ (Мѳ. XXIII, 23), забывая истинный духъ закона.

И мы знаемъ, что вселенская церковь также опасалась обнаруживать пристрастіе къ буквѣ.

Послѣ иконоборческаго собора (754 года), на которомъ присутствовало 338 отцовъ, патріархъ константинопольскій Тарасій, обсуждая вопросъ о новомъ соборѣ, спрашивалъ: „да развѣ какое постановленіе можетъ связывать истину“? (Дѣян. VII, 76—77, 57—59; Лебедевъ, Исторія вселенскихъ соборовъ, М. 1876, вып. II, стр. 279).

Правда и вселенскіе и помѣстные соборы постановляли, чтобы правила, узаконенныя ими, оставались безъ измѣненій.

Такъ Трулльскій соборъ предписалъ: „никому да не будетъ позволено вышеозначенныя (въ постановленіи) правила пріимати другія, съ подложными надписаніями составленныя нѣкіими людьми дерзнувшими корчемствовати истиною“ (2-е правило).

Обыкновенно стараются понять это предписаніе въ томъ смыслѣ, что здѣсь идетъ рѣчь только о символахъ вѣры. Но это совсѣмъ несправедливо. 6-й вселенскій соборъ воспретилъ измѣнять и отмѣнять постановленія и тѣхъ соборовъ, на которыхъ не излагалось вовсе какого либо вѣроопредѣленія (напр. собора Анкирскаго и т. п.). Очевидно, что какъ это, такъ и другія аналогичныя соборныя предписанія относились не только къ вѣроученію, но и къ правиламъ о церковномъ строѣ.

Такъ понимала эти предписанія и древняя Русь, которая считала одинаково обязательными и неизмѣняемыми каноны не толъко вѣроисповѣдные, но и всѣ вообще постановленія Кормчей.

Но если остановиться на такомъ пониманіи вещей, то это было бы равносильнымъ идти противъ фактовъ.

Какъ показываетъ исторія текстовъ Кормчей и однородныхъ каноническихъ сборниковъ и исторія соборовъ, соборныя опредѣленія о томъ, чтобы каноны не искажались и не нарушались, были требованіемъ признавать законы подлежащими исполненію, но требованіе это не могло содержать ученія о ихъ *вѣчной* и повсемѣстной примѣнимости, и объ ихъ абсолютной внутренней *непогрѣшимости* при всякихъ условіяхъ жизни.

Канонъ въ своей исторіи былъ живымъ, законодательнымъ актомъ церковной жизни, появленіе котораго вызывалось отклоненіемъ отъ правильнаго теченія жизни. Поэтому мы имѣемъ цѣлый рядъ каноновъ, отмѣнявшихъ, дополнявшихъ и исправлявшихъ предшествовавшія постановленія ради возстановленія истины или церковнаго порядка. Допускавшіяся измѣненія при этомъ касались даже примѣненія заповѣдей апостоловъ, вопроса объ источникахъ нашего вѣроученія и т. п., а тѣмъ болѣе внѣшнихъ формъ церковной жизни.

Такъ напр., 85-мъ апостольскимъ правиломъ было предписано вмѣстѣ съ книгами Новаго и Ветхаго Завѣта чтить Климентовы постановленія, но Трулльскій соборъ во 2-мъ правилѣ вычеркнулъ ихъ изъ канона, признавъ, что въ нихъ нѣкогда иномыслящіе ко вреду церкви привнесли нѣчто подложное и чуждое благочестія, несогласное съ божественнымъ ученіемъ.

Точно также 60-е правило Лаодикійскаго собора (к. IV в.), перечисляя священныя книги, отступаетъ отъ 85 апостольскаго правила и отъ принятаго у насъ библейскаго канона. Нѣкоторыя неканоническія книги Лаодикійское правило не упоминаетъ. Въ числѣ 22 (какъ и у св. Афанасія и у св. Григорія Богослова) ветхозавѣтныхъ книгъ здѣсь нѣтъ малыхъ пророковъ. Псалмовъ признано только 150. Въ Новомъ Завѣтѣ не упомянутъ Апокалипсисъ.

Еще чаще видоизмѣнялись или отмѣнялись правила, относившіяся къ церковному быту. Такъ апостольская заповѣдь, чтобы епископъ былъ единыя жены мужъ, подтвержденная и апостольскими правилами и соборами, была измѣнена на VI Трулльскомъ соборѣ, очевидно, въ виду особыхъ историческихъ обстоятельствъ или соображеній.

Замѣчательно, при этомъ, что даже *компетенція помѣстныхъ соборовъ не отказывалась отъ ограниченія заповѣдей и правилъ апостольскихъ*, если того требовала церковная польза.

Въ виду этого неужели Академія можетъ присоединиться къ тѣмъ, кто утверждаетъ, что одно примѣненіе древне-церковныхъ формъ управленія при наличныхъ условіяхъ жизни произведетъ у насъ то же дѣйствіе, что и въ моментъ ихъ историческаго появленія, и что это примѣненіе удовлетворитъ наши дѣйствительныя потребности церковной жизни? Если появленіе древнихъ каноновъ вызывалось отклоненіями отъ нормы церковной жизни, то современныя намъ отклоненія отъ нея совсѣмъ не тѣ, что были въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Поэтому было бы странно, если бы мы ограничились теперь пожеланіемъ соборности для церкви и для возстановленія нормы опирались бы только на правила, вызванныя отклоненіемъ отъ нормы. Это было бы подобно тому, если бы мы для выясненія ученія І. Христа пользовались бы только ученіемъ, содержащимся въ анаѳематствованіяхъ еретиковъ. Церковь безъ соборности немыслима, это—аксіома, ибо церковь есть живущій соборъ. Но весь вопросъ въ томъ, въ чемъ и какъ должна осуществляться соборность въ ея христіанской нормѣ примѣнительно (не только къ буквѣ древнихъ каноновъ, а примѣнительно и) къ текущей жизни. Полагаю, что ради этого центръ тяжести въ вопросѣ объ упорядоченіи современной церковной жизни долженъ быть перенесенъ въ академическомъ исповѣданіи съ вопроса о соборѣ и собор-

ности, какъ внѣшнихъ формахъ церковнаго самоуправленія, начертаннаго въ періодъ вселенскихъ каноновъ, *къ задачѣ и условіямъ сохраненія и выясненія истиннаго церковнаго ученія* при наличной обстановкѣ.

Мы должны поставить вопросъ: при соблюденіи какихъ условій въ настоящее время можно узнать отъ *Церкви*, какъ хранительницы истины, въ чемъ состоитъ ея современное исповѣданіе по вопросамъ вѣры, управленія и церковной жизни и что необходимо для того, чтобы чистота Христова ученія менѣе подвергалась опасностямъ въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи.

Нельзя забывать, что мы живемъ не въ періодъ вселенскихъ соборовъ, преемственно связанный живыми преданіями съ апостольскимъ временемъ и богатый отеческою мудростью. Перемѣна формы управленія въ современной русской церкви необходимо отзовется на состояніи ея ученія. Если будетъ патріаршество въ Никоновскомъ духѣ, оффиціальная церковь будетъ требовать одного ученія; она можетъ повести насъ къ XVI вѣку. Если будетъ возстановлено соборное начало въ духѣ апостольскаго времени, у насъ можетъ быть оффиціально объявлено другое ученіе. Если останется синодальная форма— третье.

Вѣдь ни для кого не секретъ, что синодальная форма управленія вызывала у насъ тяготѣніе и къ такимъ принципамъ вѣры, какихъ мы прежде не знали.

Не произойдетъ ли подобное и теперь, при новыхъ отношеніяхъ къ иновѣрію и новыхъ условіяхъ общественной и государственной жизни?

Академія, опираясь и исторію, должна все это предвидѣть и приложить усилія къ тому, чтобы при предстоящихъ перемѣнахъ не случилось съ ея точки зрѣнія какого-либо отклоненія отъ истиннаго духа ученія Христова. Мы должны знать, по какому пути хотятъ насъ вести, тѣмъ болѣе, что современные руководители вовсе не таковы, какими были церковные руководители въ первые 8 вѣковъ.

Въ періодъ вселенскій представителями церковныхъ общинъ и епархій очень часто выбирались наиболѣе даровитыя, праведныя по жизни лица, преисполненныя богословскаго и внѣшняго вѣдѣнія. Они могли быть тогда одновременно и выразителями мнѣнія мѣстныхъ церквей, и лучшими истолкователями христіанскихъ истинъ, и блюстителями правовѣрія въ примѣ-

ненiи ихъ къ церковной жизни. Въ настоящее же время на высшихъ ступеняхъ богословствованія стоятъ не члены іерархіи, носители даровъ священства, а Духовныя Академіи, какъ преемники дидаскаловъ первыхъ вѣковъ и такъ наз. *учителей первой эпохи христіанства у славянъ**). Іерархи остались теперь сосудами благодати, но не вмѣстилищами ученія. Поэтому-то на Академіи и выпадаетъ отвѣтственный долгъ пожелать, чтобы первые шаги при оживленіи церковной дѣятельности не сопровождались ущербомъ въ состояніи церковнаго вѣроученія. А послѣднее случится неизбѣжно, если на первое мѣсто при современномъ состояніи вещей мы поставимъ не вопросы вѣры и духа, а вопросы управленія и отношенія къ внѣшней власти.

Представимъ себѣ, что въ настоящее время, безъ долгихъ разсужденій и предварительныхъ работъ богослововъ и канонистовъ, безъ обмѣна мыслей, безъ подготовки церковнаго сознанія къ тѣмъ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ предстояло бы дать собору, состоится съѣздъ епископовъ и другихъ представителей русской церкви, который будетъ созванъ при соблюденіи всѣхъ внѣшнихъ условій законности помѣстнаго собора. Можно ли будетъ признать за этимъ съѣздомъ каноническое значеніе древняго помѣстнаго собора, если дѣятельность такого съѣзда будетъ согласна только съ буквою каноновъ, но не съ духомъ Христова ученія?

Окружающая насъ обстановка такъ существенно разнится отъ жизни періода вселенской церкви, что было бы ошибкою провозглашать въ настоящее время соборность, не имѣя налицо тѣхъ предварительныхъ внутреннихъ условій церковной жизни, безъ которыхъ соборы являются простыми сходками лицъ, хотя бы и облеченныхъ іерархическою властью, и безъ которыхъ на соборахъ можетъ быть узаконяема любая ложь, а не истина.

Во-первыхъ, всякій соборъ и соборность необходимо предполагаютъ церковную свободу мнѣній, сознаніе внутренняго права обсужденій, свободу богословствованія и исключаютъ всякое вѣрованіе или мнѣніе, навязываемое внѣшнимъ способомъ, исповѣдуемое изъ-за выгоды, ради временной государственной или другой пользы. Эта свобода существенно отлична

*) Функціи этихъ «учителей» предполагаемъ выяснить въ особой статьѣ.

отъ внѣшней свободы или права безнаказанно исповѣдывать свое убѣжденіе въ предѣлахъ государства. Свобода церковной совѣсти есть внутреннее, освящаемое самою церковью право и обязанность хранить въ себѣ и обнаруживать только то, что составляетъ *мое личное* внутреннее достояніе, и подчиняться въ своихъ вѣрованіяхъ только голосу своей совѣсти, а ничуть не внѣшнему давленію, или приказанію. Для такой внутренней свободы всякое насиліе и принужденіе является нулемъ, поскольку убѣжденія могутъ быть измѣняемы только путемъ внутренняго перелома.

Этимъ принципомъ христіанской свободы духа былъ проникнутъ весь періодъ вселенскаго церковнаго единенія.

Достаточно прочесть Дѣянія соборовъ или даже поверхностно ознакомиться съ исторіей Византіи, чтобы убѣдиться, что вмѣшательство государственной власти въ дѣла церковныя тогда было сильнѣе, чѣмъ у насъ даже въ синодальный періодъ, и что соборность ничуть не была гарантіей отъ этого вмѣшательства.

„Моя воля, вотъ для васъ правило", говорилъ съ обнаженнымъ мечемъ Констанцій, на соборѣ епископовъ въ Миланѣ (въ 350 году). „Или повинуйтесь моему требованію, или я васъ сошлю въ ссылку".

И этотъ способъ убѣжденія былъ весьма обычнымъ въ отношеніи государства къ церковной власти въ періодъ соборовъ.

Несмотря на это, іерархія того времени не признавала себя безсильною въ защитѣ своихъ убѣжденій и вѣры.

Существенная разница прежняго хода исторіи отъ современной жизни заключается въ томъ, что тогда господствовалъ неудержимо и провозглашался самою церковью принципъ исповѣданія своихъ внутреннихъ убѣжденій, несмотря на то, что принципъ этотъ шелъ въ разрѣзъ съ государственными тенденціями.

Вытекающая изъ основныхъ идей христіанства обязательность исповѣданія своихъ убѣжденій была узаконена, напр., вселенскою церковью въ правилахъ св. Петра Александрійскаго, который предложилъ строгія наказанія (6 мѣсячное покаяніе) даже тѣмъ, кто притворствовалъ подобно Давиду, юродствовавшему для спасенія отъ смерти, хотя онъ не былъ безуменъ. Св. Петръ ссылался на слова Апостола: „Мы слышимъ, писалъ онъ, яко сердцемъ вѣруется въ правду, усты

же исповѣдуется во спасеніе“ (Римл. X. 10; Правило 5-ое св. Петра): Никакая „хитрость и неразуміе“, по ученію св. Петра, „не оправдываютъ уступки, хотя бы и притворной, въ такомъ дѣлѣ, какъ вѣра“.

Многочисленныя житія и акты мучениковъ самыхъ первыхъ вѣковъ болѣе, чѣмъ убѣдительно иллюстрируютъ этотъ идеалъ древняго христіанства.

При этомъ церковь одинаково цѣнила не только исповѣданіе христіанства предъ язычниками, но и исповѣданіе въ предѣлахъ самой церкви.

17-ое правило Сардикійскаго собора 343 года предусматриваетъ возможность гоненій за то, что епископъ „защищалъ истину“, и обязываетъ принимать епископа, претерпѣвшаго „неправедное изверженіе“ и изгнаніе: „напротивъ того, съ особеннымъ благорасположеніемъ и дружелюбіемъ должно пріимать таковаго“, замѣчаетъ соборъ.

Согласно съ евангеліемъ, страданія за вѣру считались въ то время самымъ блаженнымъ концомъ. Testamentum Domini nostri Jesu Christi“ (Moguntiae, 1899, p. 85) памятникъ церковной письменности, относимый ко времени до IV вѣка, и сохранившійся въ сирскомъ текстѣ, передаетъ, что однимъ изъ прошеній ектеніи былъ возгласъ: „pro sanctis confessoribus supplicemus, ut Dominus Deus det nobis eadem mente ac ipsi terminare (vitam)“.

Доходило до того, что церковь должна была сама останавливать излишнее усердіе въ стремленіи пострадать за вѣру. Вообще христіанская свобода духа и горячая искренность убѣжденія въ древней церкви были таковы, что ихъ не могли сломить одинаково ни отлученія отъ церкви, ни императорскіе указы, ни вселенскіе соборы, ни мученія и гоненія, хотя, конечно, часто бывали и примѣры малодушія. Самые вселенскіе соборы обычно созывались императорами, т. е. государственною властью, именно для того, чтобы объединить церковное вѣроученіе, прекратить рознь, споры и смуты, возникавшія въ церкви на почвѣ горячихъ личныхъ убѣжденій и религіознаго разногласія. Но всегдашнимъ принципомъ нормальной дѣятельности церковной была искренность, свобода церковной совѣсти. Безъ этого принципа признавалась невозможною самая идея собора и соборности.

Ограниченіе свободы преній и изслѣдованія, принужденіе признать то или другое вѣроученіе, насиліе въ дѣлахъ вѣры, въ глазахъ древней вселенской церкви лишали силы и обязательнаго значенія соборное или всякое другое опредѣленіе.

Соборъ 449 года былъ признанъ разбойничьимъ и потому, что будто на немъ все было запечатлѣно насиліемъ и не было свободы преній и изслѣдованія. (Лебед. II, стр. 40).

Императоры и ихъ сановники, принимая участіе въ соборныхъ преніяхъ, оговаривались, что не намѣрены стѣснять свободы разсужденій. Необходимость свободы преній и изслѣдованія была признаваема даже императорами, допускавшими de facto насилія.

Подъ насиліемъ, несогласнымъ съ церковною нормою, разумѣлось не только давленіе свѣтской власти, въ формѣ угрозъ, и т. п. дѣйствій, но и насиліе со стороны самой іерархіи. Такимъ „насиліемъ“ была признана, напр., на Халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ дѣятельность Діоскора во время Ефесскаго собора 449 года. Діоскоръ былъ обвиненъ не только въ обнаруженной будто имъ жестокости, тиранніи и примѣненіи военной силы, но и вообще въ ограниченіи свободы разсужденій. Папа Левъ видѣлъ въ этомъ главную причину, почему соборъ, кромѣ зла, ничего не принесъ церкви. По его словамъ, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ (отъ своихъ легатовъ) онъ узналъ, что предсѣдателю собора Діоскору недоставало истино-христіанской „умѣренности, когда бы свободно высказывались мнѣнія всѣхъ“, ибо только при этомъ условіи, по мнѣнію Льва, возможно было бы открытіе истины и изобличеніе заблужденія“ (Дѣян. III, 67; Бебедевъ, о. с., II, 40).

Основнымъ принципомъ и условіемъ соборности была свобода и искренность мнѣній. Ничего подобнаго не видимъ вокругъ себя.

Самые недавніе по времени факты обнаружили, что представители церкви въ настоящее время не имѣютъ христіанской свободы, не понимаютъ ея, и, желая оживленія церкви, мечтаютъ прежде всего о политической, а не о христіанской свободѣ, какъ будто бы внѣшняя свобода приведетъ и къ христіанской. Съ точки зрѣнія христіанства я одинаково свободенъ и тогда, когда нахожусь на просторѣ, и тогда, когда меня изъ за моихъ убѣжденій ведутъ на висѣлицу. Съ точки же зрѣнія современниковъ для христіанства прежде всего нужна

политическая свобода, а не свобода вѣрованія, внутренняя свобода отъ всего того что порабощаетъ духъ человѣка чему-либо внѣшнему. Сообразно съ этимъ представители церкви до сихъ поръ не провозглашаютъ *исповѣданія* какъ необходимаго свойства христіанина, а предлагаютъ покореніе, смиреніе, раболѣпство.

При такомъ порядкѣ, конечно, даже многолюдные соборы могутъ подписать то, что наиболѣе выгодно, а не то, что наиболѣе истинно. У насъ бѣлое духовенство боится чернаго; черное боится чиновничества; всѣ молчатъ—подъ вліяніемъ страха, забывая, что страхъ съ точки зрѣнія христіанства для тѣхъ и другихъ преступленіе.

Но если въ наше время *нѣтъ еще лицъ, которыя могли бы выступать, какъ на древнихъ соборахъ, со свободнымъ, не подневольнымъ сужденіемъ*, если не подготовлена почва къ тому, чтобы могли испустить какой-либо правдивый голосъ всѣ представители и члены церкви, то, вмѣсто того чтобы просто, безъ оговорокъ, поддерживать идею формальнаго собора, безотлагательно необходимо „на кровляхъ и на площадяхъ“ выяснять и настаивать прежде всего, что какъ соборность, такъ и все вообще раскрѣпощеніе церкви невозможны, если мы не возвратимся къ *древне-христіанскому принципу исповѣданія убѣжденій.* Необходимо провозгласить отъ имени самой церкви этотъ принципъ не какъ добродѣтель, а какъ *обязанность*, потому, съ одной стороны, что безъ этого принципа совершенно невозможно начать и возстановить правильную церковную жизнь, съ другой стороны, потому что духъ истинной христіанской свободы настолько забытъ въ настоящее время, что объ немъ говорятъ только, какъ о какомъ-то революціонномъ началѣ. Насъ воспитывала на правилахъ морали: „Какъ ты смѣешь. Я такъ хочу. Я такъ вѣрю. Такъ выгоднѣе. Нужно смирять себя“. Но всѣ давно отвыкли отъ тѣхъ восклицаній, какія раздавались на соборахъ: *„по принужденію нѣтъ вѣры“*. (Дѣян. III, 289, 291. Лебедевъ, Ист. вселенск. соб. М. 1876, в. II, стр. 20).

Въ залѣ Совѣта Академіи, гдѣ по гражданскому закону мы не въ правѣ подавать голоса противъ своего убѣжденія, мы пріучились слушать циркуляры, въ которыхъ намъ предлагалось при изысканіяхъ руководиться не принципомъ свободнаго стремленія къ вѣчной правдѣ, а принципомъ полез-

ности для временныхъ интересовъ церкви и государства. Насъ пытались заставить говорить не то, что, по нашему мнѣнію, отвѣчаетъ истинѣ или историческому факту и составляетъ наше убѣжденіе, а то, что узкому и даже невѣжественному сознанію могло казаться цѣлесообразнымъ для преходящей минуты, но что, конечно, только роняло достоинство церковнаго авторитета.

Принципъ принудительной, хотя бы фарисейской и неискренней вѣры, вѣры по приказанію, получилъ у насъ господствующее значеніе. Мы при общей нашей русской пассивности и подавленіи личной инціативы какъ-то сжились съ нимъ, свыклись еще въ школѣ и стали думать, что въ дѣлахъ вѣры можно не убѣждать, а приказывать, и что если мы въ силахъ имѣть религіозныя представленія, нѣсколько отличныя отъ учебниковъ митрополитовъ Филарета и Макарія, то мы становимся вольтерьянцами, еретиками, протестантами, нигилистами, что намъ угрожаютъ вѣчныя мученія за самостоятельное мнѣніе. Принципъ внѣшняго *повиновенія въ дѣлахъ вѣры* и преклоненія предъ іерархическими авторитетами заслонилъ собою древній апостольскій принципъ живого и свободнаго освоенія христіанства. Отсюда у насъ среди искреннихъ людей нѣтъ средины: или мы вѣруемъ по привычкѣ, безсознательно, ни теплы, ни холодны къ вѣрѣ, или — если мы начинаемъ осваивать вѣру сознательно — считаемъ себя погибшими, отступниками и еретиками, каемся въ томъ, что составляетъ условіе живой вѣры.

Не станемъ скрывать отъ себя, что принципъ повиновенія и принужденія въ дѣлахъ вѣры, особенно свойственный католичеству, въ русской исторіи не получилъ столь широкаго примѣненія, какъ въ латинской инквизиціи, но это было *только* потому, что мы почти вовсе не богословствовали. Однако и у насъ черная нить его тянется уже начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси и кончая происходящими на нашихъ глазахъ событіями. И этотъ принципъ выражался не только въ общеизвѣстныхъ фактахъ преслѣдованія въ дѣлахъ вѣры, но защищался и теоретически въ житіяхъ, въ наставленіяхъ объ учителяхъ, о покореніи и послушаніи и даже въ соборныхъ опредѣленіяхъ.

Любопытно съ этой стороны предписаніе московскаго собора 1554 года, обращенное къ дьяку Висковатому, выразив-

шему сомнѣніе относительно правильности изображеній на нѣкоторыхъ иконахъ: «Тебѣ отнынѣ и впредь, писалъ соборъ, о всѣхъ тѣхъ иконахъ, о которыхъ еси сомнѣніе имѣлъ и о прочихъ святыхъ иконахъ, *впредь тебѣ сомнѣніе не имѣть, и не разсуждати* и ни поносити, *ни испытывати*, ни въ церкви, ни въ народѣ, ни въ дому православныхъ христіянъ не развращати по прежнему своему сумнѣнію, якоже и въ покаяніи своемъ писалъ еси, но токмо святымъ иконамъ и святому честному кресту любовію и со страхомъ молитися и облобызавъ покланятися елико сила».

Соборъ, очевидно, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что можно перестать сомнѣваться, подчиняясь приказанію. Точно также онъ ограничивалъ и запросы пытливаго, но неопытнаго, богослова: «Тако же тебѣ отнынѣ и впредь о святѣмъ Дусѣ Соборнѣ заповѣдаемъ о невидимѣмъ Божествѣ не испытовати и о непостижимомъ Существѣ не разсуждати, но токмо вѣровати, *еже Богомъ вся быша, а еже како быша не испытовати, яко же богословцы заповѣдаша*».

Въ дальнѣйшій синодальный періодъ представители церкви нашей за немногими развѣ исключеніями также не говорили: стойте за свои убѣжденія, за правоту ихъ, говорите только то, во что убѣждены, умирайте за свои идеи и воззрѣнія, если вѣруете въ ихъ истинность, принимайте страданія, хотя бы вамъ пришлось терпѣть отъ самихъ представителей церкви и отъ властей. Тогда какъ въ древней церкви горячность вѣры и готовность пострадать за правыя искреннія убѣжденія оттѣсняли все и были идеаломъ христіанина, мы оставили этотъ идеалъ на долю сектантовъ и раскольниковъ, а себя пріучили къ мысли, что если мы отступаемъ отъ административнаго вѣрованія, то мы совершаемъ преступленіе противъ христіанства.

Намъ говорятъ въ настоящее время: въ теченіе двухъ столѣтій церковь была въ параличѣ потому, что ее стѣсняла мірская власть. Но спросимъ, въ эти два вѣка многіе ли изъ представителей церкви претерпѣли гоненія за свои взгляды? Оказывается, что пострадали немногіе (въ эпоху Бирона и при Екатеринѣ — Арсеній Мацѣевичъ). Мученія остальныхъ іерарховъ состояли въ томъ, что ихъ лишали кафедръ, переводили въ отдаленныя епархіи, лишали наградъ и т. д. Но они терпѣли *въ борьбѣ за власть* и за личныя выгоды, но ничуть не за безкорыстное возвѣщеніе идеаловъ христіанства.

И вотъ даже теперь, когда наступило время подумать о будущемъ церковной жизни, когда можно было ожидать, что наконецъ принципъ свободы исповѣданія, богословствованія и стремленіе къ вѣчной истинѣ будетъ возвѣщенъ и у насъ, мы сказали иновѣрцамъ и свободомыслящимъ: вы исповѣдуете ложь, а не истину; но во имя свободы христіанскаго духа мы дозволяемъ вамъ и признаемъ за вами право исповѣдывать то, что вы сами хотите. Пусть свобода и сила убѣжденія возрастаютъ внѣ православія. Для себя же мы пожелали взамѣнъ этого патріаршества, внѣшней свободы и новыхъ формъ управленія. Мы захотѣли еще большаго покоренія и послушанія, но не возвѣстили свободы и искренности убѣжденія. Мы устремились къ формѣ и буквѣ, но не къ духу и жизни, потому что намъ не милъ самый принципъ христіанской свободы духа (въ дѣлахъ вѣры и жизни). Мы просимъ разрѣшенія вѣровать и исповѣдывать идеалы Христа и если намъ не разрѣшаютъ, то мы считаемъ свое дѣло поконченнымъ. Всѣ мечты наши сводятся къ тому, чтобы завоевать и притомъ безъ большихъ хлопотъ несвойственное христіанству внѣшнее единоличное право повелѣвать въ дѣлахъ вѣры и управленія, но ничуть не къ тому, чтобы представить въ жизни торжество истинному духу христіанскаго вѣроученія, который мы провозглашаемъ въ примѣненіи къ иновѣрію, но не къ церкви.

Очевидно, что до собора (а не до съѣзда) мы далеко еще не доросли. Соборъ есть инстанція исчерпывающая и рѣшающая вопросъ, инстанція, *узаконяющая свободно*. А наша жизнь течетъ еще по такому руслу, которое ведетъ не *къ собору*, съ его необходимымъ условіемъ—духовною свободою, а къ внѣшнему узаконенію церковнаго произвола, путемъ канонической формы.

Искренне желая церковной соборности, мы не должны упускать изъ виду, что если безъ измѣненія существующихъ условій жизни будетъ созванъ соборъ, хотя бы и при соучастіи бѣлаго духовенства и мірянъ, онъ можетъ оказаться мистификаціей, въ томъ случаѣ, если на соборѣ голоса бѣлаго духовенства, воспитаннаго на идеѣ послушанія, на идеѣ неискренняго исповѣданія мыслей, останутся—какъ теперь—несвободными, не распечатанными. Достигнуть же того, чтобы они стали свободными, не такъ легко, какъ кажется съ перваго разу. Для этого недостаточно сказать: отнынѣ ты не будешь

рабомъ предъ людьми, а рабомъ Господа, глашатаемъ Его истинъ, свободнымъ во Христѣ. У человѣка, привыкшаго къ мѣщанскому счастью, связаннаго семьею, запуганнаго и забитаго, всегда останется не только опасеніе за будущее свое и своей семьи, но и боязнь чрезъ исповѣданіе своихъ мыслей уклониться отъ господствующей привычной вѣры, отъ убѣжденій, исповѣдуемыхъ сильными міра сего.

Если священника позовутъ на соборъ, позволятъ ему говорить здѣсь то, что онъ думаетъ, но онъ будетъ увѣренъ, что затѣмъ по окончаніи собора окажутся возможными давленіе на него и месть, то одна мысль объ этомъ въ силахъ остановить самые благіе порывы робкаго человѣка, находящагося въ положеніи раба и на опытѣ знающаго мораль картинки: какъ мыши кота погребали.

Въ настоящее время необходимъ раньше всего, первѣе всего не помѣстный соборъ, какъ полномочное собраніе, на которомъ—опираясь на каноны—рѣшающій голосъ могли бы себѣ имѣть одни епископы, на который только для декораціи были бы приглашены нѣсколько іереевъ и мірянъ и который могъ бы узаконить не мнѣніе церкви, а случайное рѣшеніе. Настоятельно необходимо немедленно раскрѣпостить совѣсть всѣхъ членовъ ея отъ мысли, что можно оставаться христіаниномъ и участвовать въ церковныхъ дѣлахъ, не имѣя ни свободы духа, ни искренности, а пребывая въ лицемѣрномъ повиновеніи у кого бы то ни было. Еще до собора, какъ инстанціи рѣшающей вопросъ, исчерпывающей его и узаконяющей, *необходимы съѣзды представителей церкви и мірянъ для обсужденія церковныхъ вопросовъ*, необходимо не разрѣшеніе отъ свѣтской администраціи, а приглашеніе отъ самой іерархіи *свободно* обсуждать все то, что клонится ко благу народному; необходимо уничтожить духовную цензуру, какъ учрежденіе, препятствующее обнаруженію истины во всей ея полнотѣ. Необходимо, наконецъ, понять, что для блага всей церкви должно быть достигнуто не притворное единеніе духа между ближайшимъ руководителемъ народа, бѣлымъ духовенствомъ, и его непосредственнымъ начальствомъ.

Для проведенія въ жизнь этихъ мѣропріятій, нѣтъ надобности взывать къ особому Совѣщанію, или къ Государственному Совѣту, или къ Оберъ-Прокурору. Примѣненіе этихъ мѣропріятій всецѣло зависитъ отъ произволенія епархіальной

власти. Если она дѣйствительно искренне желаетъ каноническаго устройства русской церкви и стремится къ оживленію ея, *высшее духовенство само могло бы подготовить соборное управленіе въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ епархій, подавъ примѣръ необходимаго для этого христіанскаго самоограниченія.*

Начало благоустройства церкви должно быть подготовляемо частными съѣздами и совѣщаніями самого духовенства и мірянъ. Такимъ путемъ можно будетъ узнать голосъ церкви, ея мнѣніе не въ лицѣ одной іерархіи, а въ лицѣ ея членовъ и общинъ. Такія совѣщанія и съѣзды очень часто собирались въ древности для обсужденія вопросовъ, тревожившихъ христіанъ, и обыкновенно предшествовали соборамъ.

Если съ точки зрѣнія каноники въ древности юридическія полномочія признавались только за соборами, составлявшимися съ вѣдѣнія областнаго митрополита (20 прав. соб. Антіохійскаго), если церковь осуждала собранія духовенства, которыя собирались „не во имя Господа и не во имя Духа Его“ (Лебедевъ, о. с., II, 285), то съ другой стороны совѣщанія духовенства, клонившіяся къ возстановленію истины, поощрялись древнецерковнымъ сознаніемъ, хотя бы они составлялись даже вопреки желанію предержащей власти.

Въ настоящее время, когда уже выяснилось общее желаніе поднять жизнедѣятельность церкви, едва ли возможно ожидать какого-либо противодѣйствія такимъ предварительнымъ съѣздамъ. Но если бы отъ самой іерархіи было получено благословеніе на устройство ихъ для обсужденія церковныхъ и религіозныхъ вопросовъ, то это было бы дорого потому, что этимъ возстанавливалось бы на дѣлѣ общеніе между членами церкви и между самимъ духовенствомъ и полагалось бы начало принципу свободнаго единенія духа во союзѣ мира. Выражаясь кратко: *истинная соборность будетъ возможною только тогда, когда сначала будетъ провозглашена и гарантирована свобода внутри самой церкви.* А это осуществится въ свою очередь только тогда, когда, оживленіе церкви будетъ начато снизу, а не сверху. Обветшавшую постройку нужно поправлять съ фундамента а не съ чердака, ибо чердакъ не можетъ существовать безъ фундамента.

Если обновленіе начнется съ верху—оно будетъ не церковнымъ, а бюрократическимъ и олигархическимъ. Если оно

начнется снизу, оно приведетъ къ „созиданію тѣла Христова“.

Соборность церкви явилась на землѣ какъ средство для воспособленія индивидуальному, личному спасенію. Поэтому „принципу личной свободы“ должно быть предоставлено первое мѣсто при обновленіи церковной жизни.

Другая существенная подробность современной церковной жизни заключается въ забвеніи не менѣе основнаго принципа, проникавшаго церковное сознаніе эпохи вселенской церкви.

Этотъ принципъ—всецѣлое стремленіе свободнаго духа къ безусловной и вѣчной истинѣ. Если во имя старины и преданій фарисеи и книжники отвергли Христа, то христіанство стало возможнымъ для человѣчества потому, что нашлись лица, у которыхъ не угасшее стремленіе къ вѣчной истинѣ взяло верхъ надъ увѣренностью, что она заключена въ опредѣленномъ содержаніи, въ законѣ и внѣ его не существуетъ. Точно также вся исторія вселенскихъ соборовъ была нитью усилій религіозной мысли и богословскаго знанія приблизиться къ истинѣ и возвѣстить ее. Это стремленіе вызывало ереси и расколы, возбуждало богословскіе споры, созывало соборы, развивало и оживляло церковную литературу, выдвигало борцовъ за православіе, создавало мучителей и мучениковъ идеи. Именно *это стремленіе къ истинѣ прежде всего, а не соборное начало въ самоуправленіи приводило въ движеніе древнюю церковную жизнь.*

Если стремленіе къ истинѣ наталкивалось тогда на внѣшнія препятствія и стѣсненія, если соборъ возвѣщалъ ложь, несогласную съ основами христіанства, то собраніе, на которомъ происходило это, не признавалось за выразителя церковнаго сознанія и постановленія его признавались недѣйствительными, сколько бы отцовъ ни присутствовало на немъ и какъ бы ни казались правильными съ внѣшней стороны его рѣшенія.

Лозунгомъ и путеводной нитью вселенской церкви было стремленіе къ познанію сущаго. И она принимала то или иное вѣроопредѣленіе только постольку, поскольку была увѣрена, что принимаетъ правильное, безусловное рѣшеніе. И это было вполнѣ законнымъ потому, что само православіе, какъ пониманіе христіанства, можетъ быть пріемлемо только въ той мѣрѣ, въ какой оно есть истина. Если православіе—ложь, оно ни для кого не обязательно.

Исторія русскаго православія также убѣждаетъ насъ, что въ основѣ нашей вѣры было заложено стремленіе къ истинѣ, и убѣжденіе въ ея обладаніи. Это сказалось уже въ разсказѣ лѣтописца о выборѣ вѣры Владиміромъ. До Петра I у насъ господствовало горделивое сознаніе, что истина и православіе самотождественны. Это не значитъ, что мы никогда не ошибались, но это значитъ, что мы всегда не желали удаляться отъ истины и не хотѣли вѣрить, что мы ошибаемся. Мы цѣнили себя за то, что избѣгали ошибокъ латинства и крайностей протестантства.

Наша религіозная косность въ до-Петровское время съ ея обрядовымъ благочестіемъ была отчасти результатомъ опасенія исказить то ученіе, полученное нами отъ грековъ, которое мы считали истиннымъ, которое мы берегли поэтому, какъ сокровище, отъ порчи, берегли, какъ національную святыню, и въ сохраненіи этой святыни видѣли призваніе Руси, ея церковно-государственную миссію. Отсюда: начало нашего обрядоваго благочестія и расколъ. Отсюда же то, что называютъ параличомъ церкви. Но объ этомъ нѣсколько послѣ.

Здѣсь намъ важно отмѣтить только то, что принципъ благоговѣнія предъ *истиною* былъ девизомъ православія, хотя, конечно, узкіе истолкователи его замѣняли этотъ девизъ требованіемъ: самъ не стремись къ истинѣ, а повинуйся мнѣ, не смѣй свое сужденіе имѣть, потому что я знаю истину, а тебѣ до нея не дойти. Но если, какъ показала исторія соборовъ, соборная дѣятельность церкви могла только тогда принимать правильное теченіе, когда эта дѣятельность подчинялась принципу безкорыстнаго служенія вѣчной правдѣ, то въ настоящее время отношеніе церкви въ лицѣ ея представителей къ этому принципу иное.

У насъ утверждаютъ, что истина пріемлена только въ той мѣрѣ, въ какой она православна, хотя церковнаго опредѣленія православія мы не имѣемъ. На приближеніе къ истинѣ мы смотримъ не какъ на цѣль работы нашей религіозной и другой мысли, а съ понятіемъ истины соединяемъ готовое содержаніе. Поэтому мы не освящаемъ, кака въ періодъ вселенской церкви, самаго процесса стремленія къ истинѣ, но приближаемся къ фарисейскому отождествленію истины съ буквою, но не духомъ и жизнью.

Въ такомъ пониманіи истины, конечно, нельзя не видѣть

остатка до-Петровскаго религіознаго міровоззрѣнія, о которомъ я уже упоминалъ, но какъ бы то ни было въ настоящее время почти никто такъ не боится стремленія къ ней, какъ представители церкви. Христіанство они понимаютъ не какъ живое творческое начало религіозной жизни, а какъ совокупность законченныхъ по своему содержанію предписаній; вѣру они отождествляютъ то съ религіознымъ чувствомъ, то съ довѣріемъ; православіемъ признаютъ государственно-національную религію; истиною же называютъ то, что согласно съ ихъ міровоззрѣніемъ.

Церковь долго спала. Что же будетъ она дѣлать, когда она встанетъ? *Будетъ ли она освящать стремленіе къ вѣчной истинѣ, слѣдуя примѣру вселенской церкви, или будетъ утверждать, что искать ея грѣшно, какъ утверждала древняя Русь?*

Вопросъ этотъ имѣетъ въ высшей степени глубокій смыслъ. Его рѣшеніе содержитъ въ себѣ программу дальнѣйшей дѣятельности церкви. На него долженъ быть данъ отвѣтъ со стороны тѣхъ, кто будетъ засѣдать на соборѣ, данъ теперь же до собора.

Съ древнихъ временъ, при возведеніи въ епископскій санъ, предъ началомъ новаго служенія своего, епископъ объявлялъ свое исповѣданіе вѣры для того, чтобы всѣ знали, какъ онъ вѣруетъ, чему будетъ учить, чего можетъ ожидать отъ него паства, единомыслитъ ли онъ съ нею? Когда собирались соборы, всѣ знали заранѣе, зачѣмъ они собираются и какія рѣшенія возможны на предстоящемъ соборѣ.

Въ настоящее же время, когда церковь заявила о своемъ желаніи проснуться и возвѣщаетъ новую эру своей дѣятельности, никто не знаетъ *не* прежняго, *не* будущаго, а *настоящаго*, современнаго намъ ея исповѣданія, исповѣданія—примѣнительно къ условіямъ не прошедшей, и не будущей жизни, а текущей, никто не знаетъ, какъ іерархія понимаетъ христіанство и къ чему хочетъ стремиться? Нельзя же думать, что іерархи желаютъ только власти, а не имѣютъ никакого исповѣданія.

Но если такое исповѣданіе рѣшительно никому неизвѣстно, то это значитъ по меньшей мѣрѣ уподобляться вождямъ слѣпымъ, которые сами не знаютъ, куда предстоитъ вести народъ, а слѣдовательно не могутъ быть вождями и узаконятъ на соборѣ; или же это значитъ, что заправиламъ извѣстно, куда

предстоитъ вести народъ, но это скрывается потому, что путь, по которому они хотятъ идти можетъ быть путемъ погибели, а не жизни.

На соборѣ должна подать голосъ вся церковь не въ лицѣ кружка іерархіи, имѣющей мало связи съ паствою, а въ лицѣ дѣйствительныхъ представителей отъ всѣхъ церковныхъ общинъ и міровоззрѣній, но какъ могутъ эти общины высказаться при выборѣ представителей по вопросамъ, которые отъ нихъ скрываютъ?

Если нѣтъ такой подготовки и нѣтъ условій для правильнаго разрѣшенія вопроса, то нѣтъ, не можетъ быть рѣчи о правильномъ соборѣ. Такъ высказывался напр., архіеп. Флавіанъ предъ соборомъ 449 года, ожидавшій отъ этого собора только новыхъ смутъ и безпорядковъ въ церкви (Дѣян. III, 33; Лебедевъ, о. с., II, 25). Точно также папа Левъ III считалъ тотъ же соборъ дѣломъ излишнимъ и замѣчалъ, что „по разумнымъ причинамъ можно было удержаться отъ созыванія собора“ (Дѣян. III, 63, 64; Лебедевъ, ibidem). Не ждалъ добра отъ собора и блаж. Ѳеодоритъ. И какъ извѣстно, исторія оправдала эти опасенія.

Самый крупный вопросъ современной церковной жизни ничуть не заключается въ порядкахъ и способахъ церковнаго управленія, а сосредоточивается на вопросахъ вѣроученія, и прежде всего на вопросѣ: можетъ ли и должна ли церковь остаться вѣрной тѣмъ принципамъ и критеріямъ истинности, которыя она признавала въ до-Петровское время, когда она, по увѣренію многихъ, еще не была поражена параличемъ.

Въ до-Петровскія времена у насъ было одно просвѣщеніе, исходившее изъ церкви, и одно религіозное міровоззрѣніе, которое защищало истинность своего содержанія и свою неподвижность. Русь выросла на убѣжденіи, что движеніе въ пониманіи христіанства завершилось періодомъ вселенскихъ соборовъ.

Теперь, когда церковь хочетъ проснуться, рядомъ съ нею уже стоитъ другая долговѣчная культура, выросшая также на почвѣ стремленія къ истинѣ, неизвѣстная и эпохѣ вселенскаго единенія и познающая ее путемъ изученія не вѣчнаго, но преходящаго бытія. При посредствѣ профессіональныхъ и сословныхъ школъ, появившихся въ XVIII вѣкѣ, эта культура стала виновницей того, что въ предѣлахъ одной и той же внѣшней

церкви мы видимъ нынѣ не одно, какъ прежде, міровоззрѣніе, а тысячи.

Вѣра крестьянская тянетъ къ Рогожскому кладбищу, вѣра питомца Академіи — къ протестантизму, вѣра монашествующаго — къ мистицизму, міровоззрѣніе свѣтскаго человѣка къ позитивизму и т. д. и т. д. Почти каждый типъ школъ создаетъ у питомца свой специфическій кругъ убѣжденій.

Эти міровоззрѣнія расходятся между собою не въ мелочахъ, а въ принципахъ и въ пониманіи христіанства. До сихъ поръ они, какъ и культура, уживались въ предѣлахъ одной и той же церкви, потому что государство заставляло церковь ихъ терпѣть. Но какъ относится къ нимъ церковь и что будетъ дальше?

Бездѣйствіе церкви очевидно заключалось не въ томъ, что до сихъ поръ были не совершенны формы ея управленія: распоряжались въ ней не тѣ лица, которыя должны были бы распоряжаться. И жизнь церковная не закипитъ отъ того, если будутъ измѣнены только способы назначенія іерарховъ, священниковъ и въ приходскихъ дѣлахъ примутъ участіе міряне и т. д. и т. д... Бѣда синодальной церкви заключалась въ томъ, что никто не зналъ и до сихъ поръ не знаетъ, въ чемъ состоитъ истинное церковное ученіе въ его отношеніи къ текущей жизни, къ разнороднымъ міровоззрѣніямъ? Осталась ли церковь при воззрѣніяхъ до-Петровской Руси, или вѣруетъ во что либо другое? Будетъ бѣда, если новыя формы управленія вмѣстѣ съ тѣмъ поставятъ церковное ученіе на ложную дорогу. Въ исторіи не разъ бывали случаи, когда іерархія и цѣлые соборы отступали отъ истинной вѣры и провозглашали ложное ученіе. Отъ будущаго патріарха можетъ зависѣть выборъ или идти къ устоямъ до-Петровской вѣры, или къ аскетизму, или къ протестантизму и т. д., и т. д. Въ настоящее время нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что перемѣна формы управленія обезпечитъ намъ истинно церковное ученіе. Потому-то вопросъ о формахъ управленія непремѣнно долженъ быть обсуждаемъ въ связи съ вопросами вѣроученія.

Тѣ, которые полагаютъ, что все горе современной церкви заключается въ одной синодальной формѣ, могутъ думать, что задачею патріарха должно быть возстановленіе принциповъ московскаго православія съ его благочестіемъ. Не споримъ, что такое возстановленіе благочестія, быть можетъ, встрѣтило бы

сочувствіе у нѣкоторыхъ младенцевъ по вѣрѣ, у простого народа. Мечтанія многихъ нашихъ іерарховъ, повидимому, и клонятся къ тому, чтобы всѣ, даже достигшіе возраста мужа совершенна, превратились снова въ младенцевъ. Но это наивно и невозможно, ибо въ церкви должны быть и лица, которымъ было бы открыто ученіе не въ притчахъ, но были бы извѣстны и тайны царствія Божія.

Періодъ московской вѣры былъ періодомъ младенческой вѣры. Если бы возвратиться къ ней, это значило бы возвратиться къ каменному консерватизму древней Руси, который удовлетворялъ тогда одинаково всѣхъ потому, что всѣ были младенцами по вѣрѣ. Этотъ консерватизмъ почти отождествлялъ вѣру съ обрядовымъ благочестіемъ и богословствованіе признавалъ за ересь. Съ точки зрѣнія до-Петровскаго іосифлянскаго православія мы должны бы проклясть даже тѣ книжки о вѣрѣ, которыя появились на Руси въ періодъ синодальный; мы должны бы провозгласить важнѣйшимъ въ вѣрѣ согласіе съ авторитетами, со стариною, съ ошибками древняго обряда, потому что древне-русская церковь высказывалась противъ богословствованія и всякаго личнаго мнѣнія по вопросамъ вѣры не только въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, но и въ составѣ цѣлыхъ соборовъ. Согласіемъ съ авторитетомъ писанія (особенно со времени Іосифа Волоцкаго) разрѣшался вопросъ объ еретичности или принадлежности къ церкви. «Поистинѣ велика та пропасть, и велика бѣда невѣдѣній писанія», — восклицалъ авторъ сказанія о соборѣ на Матвея Башкина (1554 г.). «Мы ходимъ вѣрою, а не вѣдѣніемъ, не бо доволни есмы услышати что отъ себе, но довольство наше Божественныя писанія» (Москов. соборы на еретиковъ XVI в., М. 1847, стр. 1—2).

Соборъ наложилъ трехлѣтнюю епитимію на дьяка Висковатаго за то, что онъ въ теченіи трехъ лѣтъ, не испытавъ Божественнаго писанія, имѣлъ сомнѣнія о честныхъ иконахъ и вопилъ и возмущалъ народъ православныхъ христіанъ въ соблазнъ и въ поношеніе многимъ (ibid. стр. 15). А эти сомнѣнія состояли въ томъ, что дьякъ находилъ неприличными и неправильными изображенія нѣкоторыхъ иконъ, а также при перепискѣ допускалъ нѣкоторыя описки или неточности (стр. 16).

Въ теченіе синодальныхъ столѣтій церковь была въ разслабленіи, которое происходило отъ отсутствія путеводныхъ задачъ и идеаловъ, послѣ того какъ прежніе критеріи вѣры поколебала западная наука. Принципы до-Петровскаго православія расшатывались, а взамѣнъ ихъ не появилось ничего опредѣленнаго: церковь мечтала о старинѣ, не желала порвать съ ней традицій, но не боролась за древнее православіе, а постепенно отступала отъ него, подчиняясь ходу исторіи: она жила апатично, потому что жила безпринципно. (А такъ какъ она жила безпринципно, то и въ средѣ самой церкви утрачивалось то, что объединяло бы паству и поддерживало бы живую вѣру у всѣхъ: Россія—въ ея отдѣльныхъ классахъ бредетъ розно, потому что никакіе вѣчные идеалы — не объединяютъ всѣхъ. Народъ и образованное общество — какъ будто два племени). Тѣмъ не менѣе къ до-Петровскимъ принципамъ православія намъ не вернуться всецѣло, потому что нельзя остановить культуры и просвѣщенія, нельзя заставить народъ быть менѣе развитымъ, чѣмъ онъ есть, нельзя, наконецъ, возстановить то, что отжило свой вѣкъ, что имѣло временное значеніе факта церковной исторіи.

Нельзя, напр., ввести въ жизнь Кормчую во всемъ ея объемѣ уже потому, что сами іерархи этого не захотятъ; иначе имъ пришлось бы на основаніи Кормчей и себя отлучить и всю паству до послѣдняго человѣка.

Нельзя приказать вѣровать, что всѣ житія святыхъ богодухновенны, что первыми монахами были Христосъ и апостолы, что высшая добродѣтель христіанства есть не любовь, а послушаніе, что безъ монашества нельзя спастись, что вѣра можетъ быть по приказанію и т. д. и т. д.

Но если къ прежнимъ устоямъ намъ не вернуться, то куда намъ идти, въ чемъ заключаются современные церковные идеалы и современное церковное ученіе.

Какъ мнѣ кажется, Академія должна признать первенство за этимъ вопросомъ. Вопросъ же о формѣ и способахъ управленія поставить на второе мѣсто. Сообразно съ этимъ въ прилагаемой запискѣ и указаны два первыхъ пункта пожеланій.

Апрѣль 1905 года.

Къ вышеизложенному слѣдуетъ присоединить еще, что если по общему признанію современниковъ церковь въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій управлялась несогласно съ церковными канонами, будучи поставлена въ необходимость подчиняться свѣтской, мірской власти (оберъ-прокурорской и другой), то это значитъ, что и постановленія Св. Синода за это время по всѣмъ вопросамъ, подлежавшимъ его рѣшенію, по сознанію самихъ представителей церкви, могли быть неправильными, а слѣдовательно могло быть не православнымъ и то, что объявлялось Св. Синодомъ (подъ давленіемъ внѣшней власти), какъ православное. Вселенская церковь не признавала вѣроопредѣленій тѣхъ соборовъ, которые составлялись несогласно съ канонами. Отсюда слѣдуетъ, что одновременно съ возвѣщеніемъ о *возстановленіи каноническаго* устройства въ русской церкви неизбѣжно должно быть соединено разъясненіе вопроса, какъ членамъ церкви слѣдуетъ относиться ко всему тому, чѣмъ въ области религіозной и богословской Синодальная церковь отличается отъ церкви до-Синодальной, насколько обязателенъ для вѣрующихъ хотя бы напр. катехизисъ митр. Филарета, «издаваемый Св. Синодомъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію», насколько православны богословскія системы, на которыхъ въ теченіе двухъ вѣковъ воспитывалось юношество въ духовныхъ школахъ, права ли была русская церковь въ своей полемикѣ съ расколомъ и съ сектантствомъ, когда отстаивала правоту своихъ учрежденій синодальнаго времени и т. д. и т. д.? Необходимо знать, какими принципами въ области вѣрованій должны будутъ отнынѣ руководствоваться члены русской церкви? Гдѣ имъ самимъ искать устоевъ православія, когда у нихъ поколеблена увѣренность въ каноничности русской церкви за цѣлыхъ два вѣка ея? Слѣдуетъ ли ихъ искать въ до-петровской Руси, въ ея принципахъ неподвижности въ области богословствованія и каноники, или же ихъ слѣдуетъ искать въ церковномъ сознаніи періода апостольскаго или византійскаго? Не трудно сказать: слѣдуетъ устроить управленіе церковное на каноническихъ началахъ, но далеко не одно и то же, устроить ли это управленіе согласно съ пониманіемъ Кормчей въ до-Петровскую эпоху или согласно съ признаніемъ за канонами того значенія, какое они имѣли въ древней церкви.

Если вопросъ о реформѣ управленія русской церкви воз-

никъ главнымъ образомъ ради уничтоженія оберъ-прокуратуры и учрежденія патріаршества, то въ предстоящемъ отвѣтственномъ дѣлѣ церковныхъ преобразованій, какъ разъ наоборотъ, все личное, партійное должно быть отброшено и вопросъ о наилучшемъ устройствѣ русской церкви долженъ быть разрѣшаемъ *прежде всего теоретически и принципіально*, въ связи съ болѣе общими вопросами, среди которыхъ, въ виду сказаннаго, первое мѣсто должно быть отведено вопросамъ вѣроученія и богословствованія.

14 января 1906 года.

Соборъ или съѣздъ?

Съ самымъ рѣдкимъ единодушіемъ и духовная и свѣтская печать осудила рѣшеніе Высочайше учрежденнаго особаго присутствія при Св. Синодѣ, которое признало, что предстоящій церковный соборъ долженъ состоять изъ однихъ епископовъ, что наиболѣе благонравные представители отъ бѣлаго духовенства и мірянъ могутъ быть приглашены туда не иначе, какъ съ согласія мѣстныхъ архіереевъ и лишь для участія въ предварительныхъ преніяхъ.

По существу дѣла, однако, едва ли было бы полезно въ настоящее время возставать противъ такого рѣшенія. Никто не можетъ отнять у епископовъ права съѣхаться и совмѣстно обсудить церковныя дѣла. Наоборотъ, слѣдовало бы привѣтствовать рѣшимость высшаго духовенства собраться для взаимнаго обмѣна мыслей по вопросамъ вѣроученія и церковной жизни, требующимъ самаго серьезнаго къ себѣ отношенія.

Русская Церковь давно не слыхала общеепископскаго голоса по этимъ предметамъ и было бы въ высшей степени важно, наконецъ, узнать насколько близко міровоззрѣніе современной архіерейской среды къ христіанскому ученію, не оказали ли пагубнаго вліянія на чистоту этого міровоззрѣнія тѣ отступленія отъ каноновъ въ предшествующее время, которыя такъ рельефно были обозначены въ докладѣ Св. Синода Государю? Когда въ XVII вѣкѣ на Руси ожидали пріѣзда восточныхъ патріарховъ для участія на соборѣ по дѣлу патріарха Никона,

то, несмотря на все свое уваженіе къ патріаршему сану, первое что обсуждали русскіе епископы на соборѣ, былъ вопросъ: „како должно есть непщевати о святѣйшихъ патріарсѣхъ греческихъ константинопольскомъ, александрійскомъ, антіохійскомъ и іерусалимскомъ, суть ли они православны, живуще подъ властью великаго гонителя имене христіанскаго“ (Дѣяніе I-е собора 1666 года, въ февралѣ)?

Подобный же вопросъ естественно не можетъ не возникнуть у вѣрующихъ и по отношенію къ нашимъ іерархамъ, послѣ того какъ и Св. Синодъ (въ прошлогоднемъ докладѣ на имя Государя), и духовенство, и общество признали, что истинный каноническій строй Церкви совсѣмъ не тотъ, какимъ онъ былъ въ синодальный періодъ, когда въ церковныя дѣла вмѣшивалась мірская власть. Пусть съѣдутся владыки, изложатъ свои мысли и рѣшенія по поводу текущихъ церковныхъ дѣлъ, и пусть всѣ узнаютъ и провѣрятъ, какъ вѣруютъ наши епископы, сохраняютъ ли они неизмѣнно завѣты Божественнаго Наставника, или преподаютъ Церкви не то, что пріяли вѣрующіе отъ апостоловъ. Не противодѣйствовать, а всячески содѣйствовать необходимо выясненію общеепископскаго исповѣданія.

Нельзя считать неожиданностью и то, что въ своемъ собраніи епископы желали бы видѣть только своихъ единомышленниковъ изъ клира и мірянъ. Когда имѣются на лицо обособленные интересы какого-либо сословія, общества или кружка, то, конечно, присутствіе постороннихъ можетъ вредить дѣлу, поскольку оно задумано тѣмъ или инымъ кружкомъ въ своихъ спеціальныхъ интересахъ. Было бы неблагоразумнымъ приглашать соціалистовъ на общедворянскій съѣздъ, или звать революціонеровъ на съѣздъ губернаторовъ съ правомъ одинаковаго голоса. Тѣмъ болѣе было бы странно ожидать, чтобы епископы предоставили на своемъ соборѣ право рѣшающаго голоса лицамъ, не сочувствующимъ ихъ предначертаніямъ, и допустили бы туда корреспондентовъ и другихъ лицъ, не связанныхъ съ іерархами корпоративными связями.

Но если нельзя не оправдывать желанія какой-либо организаціи или группы дѣятелей объединиться при помощи съѣзда, то съ другой стороны нельзя не задумываться надъ вопросомъ, какое значеніе должны пріобрѣсти резолюціи епископскихъ совѣщаній для русской Церкви?

Въ настоящее время слышится двоякій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Одни настаиваютъ на томъ, что резолюціи эти должны получить значеніе постановленій „помѣстнаго собора всероссійской Церкви", т. е. значеніе правилъ и законоположеній, обязательныхъ для всей русской Церкви. Другіе отрицаютъ такое значеніе, имѣя въ виду, что предстоящій съѣздъ не будетъ отголоскомъ единодушнаго мнѣнія епископовъ, клира и мірянъ.

Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ рѣшеній, явившихся подъ вліяніемъ партійной борьбы между церковною аристократіею (епископами) и демократіей (клиромъ и народомъ), не дало объективнаго и удовлетворительнаго отвѣта, примѣнимаго къ сложнымъ условіямъ современной жизни. Если на проэктируемомъ соборѣ рѣшать будутъ только епископы со своими единомышленниками, то эти рѣшенія, само собой разумѣется, могутъ быть отвергнуты церковнымъ обществомъ. Если пригласить для участія въ соборѣ на одинаковыхъ правахъ съ епископами клиръ и мірянъ, то также можетъ пострадать авторитетъ собора въ глазахъ крайнихъ правыхъ партій, опирающихся на букву каноновъ и на факты церковной исторіи. Въ томъ и другомъ случаѣ Церкви грозятъ *серьезныя смуты*, признаки которыхъ наблюдаются уже теперь, когда *представители большинства членовъ предсоборной комиссіи открыто бросили меньшинству упрекъ въ протестантизмѣ*.

Самымъ грознымъ симптомомъ для мира церковнаго въ настоящее время служитъ разъединеніе высшей іерархіи отъ церковнаго общества. Здѣсь лежитъ корень и причина большинства существующихъ нестроній.

Ближайшая задача настоящаго времени и должна бы въ виду этого направляться къ возстановленію живой связи между членами этого организма, что соборъ прежде всего будетъ подготовляться для того, чтобы водворить въ русской Церкви единеніе духа въ союзѣ мира.

Обнародованные труды предсоборной комиссіи заставляютъ разочароваться въ такомъ ожиданіи.

Опираясь на идею Церкви, заимствованную изъ учебниковъ римско-католическаго права, каноницисты этого совѣщанія вообразили, что живутъ въ тотъ періодъ, когда іерархія замѣщалась канонически правильнымъ путемъ и вмѣсто того, чтобы поставить на очередь вопросъ, какой соборъ желателенъ и воз-

моженъ въ русской Церкви для настоящаго времени при наличныхъ условіяхъ ея внутренней жизни и въ связи съ задачами самого собора, они отвѣчали на вопросъ, кто рѣшалъ дѣла на соборахъ въ эпоху византійской каноники, пребывая какъ бы въ блаженной увѣренности, что живутъ въ Византіи не позже IX вѣка.

При этой увѣренности вопросу о составѣ будущаго собора, безотносительно къ его задачамъ, они придали значеніе вопроса о всеисцѣляющемъ лекарствѣ. Если будущій соборъ будетъ составленъ соласно съ буквою каноновъ, то, по мнѣнію большинства членовъ предсоборной комиссіи, всѣ вопросы, поставленные на обсужденіе отцовъ собора, разрѣшатся правильно и, слѣдовательно, каковыми бы ни были по своему содержанію эти рѣшенія, будутъ переподаны согласно съ вѣрою Церкви самимъ Св. Духомъ.

Разорвавъ связь, вопреки традиціямъ нашей Церкви, между задачами собора и его составомъ, предсоборные канонисты не доглядѣли и тѣхъ курьезовъ, какіе вытекаютъ изъ ихъ разсужденій.

Съ точки зрѣнія здраваго смысла всякій съѣздъ или собраніе имѣютъ свою цѣну и силу постольку, поскольку содѣйствуютъ наиболѣе правильному, цѣлесообразному и общеобязательному рѣшенію, опирающемуся на авторитетъ представительства и компетенцію его участниковъ И задача собора дать наилучшее рѣшеніе по существу. Церковь всегда вѣрила, что такое рѣшеніе можетъ получиться безъ всякихъ ухищреній, когда все личное отбрасывается и остается одно безкорыстное стремленіе добыть истину. Древніе соборы созывались именно для того, чтобы приблизиться къ ней. Между тѣмъ для большинства членовъ предсоборной комиссіи самого вопроса о наилучшемъ и наиправильномъ соборномъ рѣшеніи дѣлъ по существу какъ бы не существуетъ. Они увѣрены, что если только будетъ соблюдена буква древнихъ каноническихъ правилъ относительно участниковъ собора, то этого будетъ достаточно, чтобы получилось на соборѣ благодатное и правильное разрѣшеніе какого угодно вопроса.

Одни и тѣ же участники собора, каковъ бы ни былъ ихъ умственный и нравственный уровень, если только они имѣютъ епископскій санъ, обязательно должны, по мнѣнію канонистовъ предсоборной комиссіи, рѣшить на соборѣ любой вопросъ го-

раздо правильнѣе, чѣмъ, напр., спеціалисты, всю жизнь посвятившіе изученію того или другого вопроса. Въ древности каноника отмежевывала опредѣленный кругъ вопросовъ и дѣлъ для сферы компетенціи церковнаго собора, состоявшаго при томъ изъ лучшихъ представителей Церкви своего времени. И даже учебникъ «Православнаго Богословія» митр. Макарія не рѣшился утверждать, что непогрѣшимость Церкви (конечно, въ соборныхъ ея опредѣленіяхъ) простирается на тѣ истины, которыя не содержатся въ откровеніи и не относятся къ существу христіанской Церкви, каковы, напр., «истины философическія, историческія и вообще такія, для которыхъ основаніемъ могутъ служить только свидѣтельства, или соображенія людей, а не Божественное откровеніе» (Введеніе въ православное богословіе», изд. 4-е, Спб. 1871 г., стр. 369). Канонисты же предсоборнаго присутствія границъ непогрѣшимости будущаго собора не опредѣляютъ. Они вѣрятъ, повидимому, что соборъ постановитъ наилучшія и авторитетныя рѣшенія не только по вопросамъ спеціально церковнымъ, относящимся къ содержанію вѣроученія и внутренней жизни Церкви, но и по дѣламъ государственнымъ, педагогическимъ и научно-методологическимъ, потому что каноника даетъ будто бы право на увѣренность въ духовную силу епископскаго сана при рѣшеніи и тѣхъ вопросовъ, которые de facto не могли даже предусматриваться вселенскою каноникою — такъ какъ выдвинулись значительно позже.

Факты прошлаго, исторія разбойничьихъ соборовъ, исторія ересей и раздоровъ церковныхъ, исторія русскихъ соборовъ ничуть не научили канонистовъ той истинѣ, что соборъ тогда можетъ остаться выразителемъ церковнаго сознанія, когда дастъ правильное рѣшеніе по существу, а не по формѣ, хотя бы и юридической. Поэтому все то, что не входитъ въ компетенцію его участниковъ не можетъ ожидать себѣ правильнаго отвѣта и освѣщенія на соборѣ. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы съ точки зрѣнія каноники можно было надѣяться, что отцы собора въ состояніи рѣшить вопросы по математикѣ, астрономіи, химіи, физикѣ, исторіи и т. п. лучше, чѣмъ спеціалисты. Точно также мы полагаемъ, что вопросы о нормальномъ устройствѣ школьнаго дѣла, никогда не входившіе въ область канонническаго права, вопросы о церковно-государственныхъ отношеніяхъ, объ имущественныхъ правахъ Церкви и другіе,

не найдутъ всесторонняго и правильнаго себѣ разрѣшенія на предстоящемъ соборѣ епископовъ.

Изъ исторіи извѣстно не мало случаевъ, когда епископскіе соборы, желая подчинить своей юрисдикціи или включить въ предѣлы своей компетенціи то, что выходило изъ круга этой компетенціи, объявляли свои рѣшенія каноническими, и, однако, рѣшенія эти не получили обязательной силы потому, что превышали нормальные предѣлы соборныхъ полномочій. Русскіе епископскіе соборы XVI вѣка постановляли рѣшенія, вторгавшіяся и въ область народнаго хозяйства и государственнаго права, но въ настоящее время постановленія эти остались только показателемъ сословнаго своекорыстія и матеріалистическихъ вожделѣній былого времени.

Весьма дурное предзнаменованіе заключается въ желаніи созвать помѣстный соборъ всероссійской Церкви, равный по значенію древнимъ помѣстнымъ соборамъ, но безъ надлежащей, всесторонней къ нему подготовки. Это указываетъ, что въ будущемъ совѣщаніи предсоборное присутствіе желаетъ найти только *авторитетъ формы и права, а не начало единенія и мира*. Правда, мы знаемъ, что идея помѣстнаго собора была выдвинута съ тѣмъ, чтобы оформить и узаконичить уже предрѣшенныя заранѣе духовною властью патріаршество и другія перемѣны. Но въ настоящее время, когда задачи будущаго собора раздвинулись до намѣренія вообще упорядочить русскую религіозную и церковную жизнь, остается непонятнымъ, во имя чего необходимо мечтать теперь о помѣстномъ соборѣ, а не ставить яснѣе вопроса, какимъ путемъ можно достигнуть намѣченной цѣли? Если, по мнѣнію каноинстовъ, помѣстный соборъ долженъ состоять изъ однихъ епископовъ, конечно, канонически поставленныхъ, и если съ другой стороны благоустроить русскую церковную жизнь—по общему сознанію современниковъ—возможно не иначе, какъ при совмѣстномъ обсужденіи церковныхъ вопросовъ высшимъ духовенствомъ, мірянами и клиромъ, то спрашивается, что препятствуетъ собрать въ настоящее время не помѣстный соборъ, а подготовительный съѣздъ, на которомъ владыки могли бы совмѣстно съ выборными отъ Церкви обсудить серьезно положеніе вещей. Каноническихъ правилъ, не разрѣшающихъ епископамъ совѣщаться съ выборными отъ клира и мірянъ на условіяхъ общечеловѣческаго равноправія и во

имя блага Церкви, мы не знаемъ. Совѣщаются же епископы въ предсоборной комиссіи съ мірянами на одинаковыхъ правахъ. Пусть постановленія первой Церковной Думы останутся незанесенными въ Кормчія и не будутъ равны по достоинству древнимъ помѣстнымъ соборамъ. Задача нашего времени ничуть не заключается въ томъ, чтобы, занести въ лѣтописи опытъ самоотреченія отъ русскихъ традицій и осуществить на русской землѣ византійскіе обычаи, а въ томъ, чтобы узнать голосъ всей русской Церкви, всѣхъ членовъ ея тѣла о способахъ возстановленія между ними органической связи и нормальнаго теченія жизни. Никакой надобности, чтобы совмѣстное совѣщаніе епископовъ, мірянъ и клира носило названіе помѣстнаго собора, мы въ условіяхъ текущей жизни уловить не можемъ, а наоборотъ—усматриваемъ здѣсь только самую настойчивую неотложность упомянутаго совмѣстнаго совѣщанія.

Устраняя выборныхъ отъ клира и мірянъ отъ полноправнаго участія на будущемъ соборѣ, большинство членовъ предсоборной комиссіи мотивировало свое мнѣніе *уваженіемъ къ буквѣ, къ традиціямъ, къ авторитету и незыблемости древнихъ каноновъ*, во имя которыхъ затѣяны преобразованія въ русской Церкви и которые не допускаютъ будто бы равноправнаго участія епископовъ, клира и мірянъ на помѣстныхъ соборахъ. Но при такой постановкѣ вопроса о церковной реформѣ, каноны и исторія становятся оружіемъ обоюдоострымъ. И если бы современные канонисты въ дѣлѣ примѣненія каноновъ не игнорировали и не отвергали преданій русской Церкви съ тою смѣлостью, какая не позволительна для лицъ, горделиво именующихъ себя православными, они никогда не рѣшились бы, во-первыхъ, отрицать необходимость *общецерковнаго съѣзда* въ настоящее время, во-вторыхъ, настаивать на своевременности созыва помѣстнаго собора.

Допустимъ на время вмѣстѣ съ предсоборными канонистами и раскольниками, что всѣ каноны незыблемы и ненарушимы, что для упорядоченія современныхъ дѣлъ и для возстановленія силы древнихъ каноновъ необходимъ не съѣздъ, а именно помѣстный соборъ и что такой соборъ (на основаніи каноновъ) долженъ имѣть своими членами однихъ епископовъ. Можно ли будетъ при этомъ во имя тѣхъ же каноновъ миновать вопросъ, имѣются ли у насъ въ настоящее время такіе епископы, которые могли бы быть канонически полномочными участниками соборныхъ дѣяній? Отвѣта на этотъ

вопросъ въ журналахъ предсоборнаго присутствія мы не находимъ. Между тѣмъ безъ отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ быть и рѣчи о каноничности и о прочномъ, немимолетномъ значеніи постановленій предстоящаго совѣщанія.

Нельзя упускать изъ виду, что исходная и основная точка зрѣнія намѣченныхъ преобразованій заключается въ признаніи неканоничности строя синодальнаго управленія, и въ необходимости замѣнить его формами управленія, соотвѣтствующими требованіямъ древнихъ каноновъ (см. докладъ Св. Синода въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ 1905 г. № 14). Реформа же, производимая во имя возстановленія каноновъ въ самомъ строѣ, eo ipso предполагаетъ наличность уклоненія отъ нихъ въ этомъ строѣ. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о частичномъ или случайномъ несоблюденіи церковныхъ правилъ, а о неканоничности и несовершенствахъ системы, организаціи и при томъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ синодальнаго періода.

Поэтому соборъ, созываемый подъ вліяніемъ мысли, что каноны, относящіеся къ церковному строю, незыблемы и неизмѣняемы, но что въ наличной организаціи Церкви замѣчаются уклоненія отъ нихъ, не можетъ миновать вопроса о каноническихъ правахъ своихъ участниковъ, если желаетъ оставить за собою значеніе помѣстнаго собора, а не съѣзда. Нельзя законодательствовать, не имѣя на то права. Нельзя желать возстановленія каноновъ и во имя этихъ каноновъ устранять мірянъ и клиръ отъ ближайшаго участія въ соборныхъ рѣшеніяхъ и въ то же время уклоняться отъ провѣрки и доказательствъ правоспособности дѣйствительныхъ членовъ собора.

Между тѣмъ, двоякаго отвѣта при такой провѣркѣ быть не можетъ. Изъ самыхъ авторитетныхъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ документовъ, изъ фактовъ повседневной жизни, изъ записокъ самихъ епископовъ извѣстно, что они получали и получаютъ свои назначенія несогласно съ предписаніями каноновъ и не находятся въ нормальныхъ каноническихъ отношеніяхъ къ своимъ епархіямъ. Отрицать это невозможно. Правда, это не значитъ, что современные іерархи не имѣютъ благодатныхъ даровъ епископства, соединяемыхъ съ преемственною хиротоніею. Но эта хиротонія—съ точки зрѣнія каноновъ и исторіи—еще не обезпечиваетъ законности ихъ правъ на управленіе тою или другою епархіею, а слѣдовательно и не дѣлаетъ ихъ полномочными представителями на соборѣ.

Само предсоборное присутствіе признало, что благодать епископства не даетъ права участія на соборѣ, а что для этого необходимо быть епископомъ, управляющимъ епархіею. Но и для того, чтобы собраніе епископовъ могло имѣть значеніе помѣстнаго собора, недостаточно, чтобы на такое собраніе съѣхались правящіе епископы. Онъ долженъ состоять изъ участниковъ, имѣющихъ на то канонически достаточныя полномочія и права, которыя соединяются съ законнымъ (каноническимъ) избраніемъ и поставленіемъ на епархію. Слѣдовательно для того, чтобы съѣздъ епископовъ могъ получить достоинство помѣстнаго собора, неизбѣжно будетъ провѣрить съ точки зрѣнія каноники права каждаго епископа на управленіе своею епархіею и отношеніе къ нему паствы. Представимъ себѣ, что въ настоящее время кто-либо изъ власть имущихъ сталъ бы смѣнять нежелательныхъ почему-либо епископовъ и безъ согласія епархій замѣщать по своему выбору или по протекціи другими лицами, правильно рукоположенными. Можно ли было бы съ точки зрѣнія каноники предсоборнаго присутствія признать собраніе этихъ ставленниковъ свѣтской власти помѣстнымъ соборомъ русской церкви, равнымъ по достоинству древнимъ помѣстнымъ соборамъ? Но вѣдь въ такомъ же отношеніи къ своимъ епархіямъ можетъ находиться и большинство наличныхъ епископовъ. Ихъ ставила высшая власть, а народъ вовсе не высказывался о своемъ желаніи или нежеланіи видѣть у себя того или другого владыку. Безъ провѣрки законности избранія епископовъ на свои епархіи и безъ провѣрки отношеній клира и народа къ своему владыкѣ мечты о канонически правильномъ помѣстномъ соборѣ могутъ быть только мечтами.

Ни Св. Синодъ, ни предсоборная комиссія, ни сами епископы не возбуждали до сихъ поръ подобнаго вопроса, быть можетъ, потому, что провѣрка каноничности избранія и поставленія каждаго епископа грозитъ весьма тягостными осложненіями и сдѣластъ невозможнымъ проектируемый помѣстный соборъ. Если признать вмѣстѣ съ предсоборнымъ присутствіемъ, что въ настоящее время для упорядоченія церковныхъ дѣлъ необходимъ помѣстный соборъ всероссійской іерархіи, *собранный съ соблюденіемъ древнихъ каноновъ*, то почти единственнымъ выходомъ для современнаго положенія вещей былъ бы случай, если бы всѣ епископы добровольно удалились съ своихъ кафедръ, предоставивъ епархіямъ свободно избрать преемниковъ со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ кано-

ническихъ постановленій Церкви. Тогда только проектируемый съѣздъ епископовъ могъ бы претендовать на то канонически авторитетное значеніе для Церкви, какое теперь вопреки канонамъ желаетъ усвоить всякому предстоящему совѣщанію епископовъ предсоборное присутствіе.

Но помѣстный соборъ невозможенъ теперь и по другой причинѣ. Если бы предположить невѣроятное, т. е. что для блага Церкви и во имя каноновъ на соборъ были бы допущены только канонически поставленные епископы, а другіе сами удалились бы съ кафедръ, то все-таки трудно было бы для нашего времени осуществить правильные выборы ихъ преемниковъ, такъ какъ приходской жизни у насъ не существуетъ и потребовалось бы провѣрять правильность поставленія на свои мѣста низшаго духовенства, а это грозило бы такими неурядицами, размѣръ которыхъ трудно представить.

Если современная церковная реформа производится не во имя чего-либо другого, а во имя возстановленія каноничности въ Церкви, то помѣстный соборъ долженъ завершать перестройку, а не начинать ее. Сначала необходимо имѣть канонически законныхъ участниковъ его, а уже затѣмъ созывать ихъ на соборъ.

Но если соблюденіе буквы древнихъ каноновъ дѣлаетъ невозможнымъ созывъ помѣстнаго собора епископовъ въ настоящее время, то, съ другой стороны, современныя условія церковной жизни требуютъ настойчиво подготовительнаго церковнаго съѣзда, съ участіемъ выборныхъ представителей іерархіи, клира и мірянъ.

Меньшинство членовъ предсоборной комиссіи, получившее упрекъ въ протестантизмѣ, было очень близко къ идеѣ такого съѣзда. Неосторожность меньшинства состояла въ томъ, что проектируемый имъ съѣздъ изъ выборныхъ мірянъ, членовъ клира и епископовъ оно назвало, повторяя терминологію большинства комиссіи, каноническимъ помѣстнымъ соборомъ, каковымъ онъ, какъ мы видѣли, быть не можетъ. Но самая идея этого съѣзда, конечно, гораздо болѣе православна, цѣлесообразна и осуществима въ настоящее время, чѣмъ мечта о канонически правильномъ помѣстномъ соборѣ.

Идея съѣзда для настоящаго времени гораздо болѣе православна потому, что въ рѣшеніяхъ большинства предсоборнаго присутствія мы не видимъ одного изъ основныхъ, традиціонныхъ принциповъ православной, (а не католической) каноники, въ силу котораго составъ собора опредѣлялся его задачами.

Въ исторіи вселенской каноники этотъ принципъ выразился въ соотношеніи обязательности каноновъ для той или другой мѣстности къ наличности ея представителей на соборѣ. Если соборъ созывался для рѣшенія вопроса, касающагося всей Церкви, на соборъ по возможности призывались представители всѣхъ отдѣльныхъ церквей (соборъ вселенскій). Если соборъ имѣлъ въ виду дѣло митрополичьяго округа, на соборъ съѣзжались представители церквей этого округа и т. д. Не бывало такъ, чтобы, напр., помѣстный соборъ одной церкви простиралъ принудительно свои рѣшенія на другую церковь, которая не имѣла своихъ представителей на соборѣ. Постановленія соборовъ въ силу того же принципа касались опредѣленнаго круга церковныхъ вопросовъ, и не простирались на вопросы, рѣшеніе которыхъ выходило за предѣлы полномочій участниковъ.

Еще отчетливѣе этотъ принципъ обнаружился въ исторіи русской Церкви. Составъ собора здѣсь стоялъ въ зависимости отъ вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Вслѣдствіе тѣснаго единенія между Церковью и государствомъ въ древней Руси, соборы церковные даже не рѣдко сливались съ соборами земскими и происходили совмѣстно, если нужно было рѣшить вопросъ, затрогивавшій интересы и духове ства, и государства. Когда соборному обсужденію подлежали маловажные вопросы церковной жизни, они разрѣшались членами освященнаго собора, состоявшаго при патріархѣ. Если вопросы эти были болѣе серьезны, созывались на освященный соборъ и другіе епископы изъ епархіи, по вызову царя и патріарха. Если вопросы затрогивали всю русскую іерархію, созывались большіе освященные соборы, съ участіемъ епархіальныхъ архіереевъ, архимандритовъ, бѣлаго духовенства и т. п. Такъ какъ основной смыслъ собора состоитъ между прочимъ въ задачѣ принять общее рѣшеніе и сдѣлать это рѣшеніе общеобязательнымъ, то нельзя достигнуть этого съ успѣхомъ, исключая изъ его состава представителей заинтересованныхъ сторонъ. Но если въ періодъ канонической солидарности между іерархіей и паствою ничуть не признавалось антиканоничнымъ общеніе съ послѣднею на соборахъ, то тѣмъ болѣе неминуемо ея участіе на предстоящемъ церковномъ совѣщаніи, которое будетъ имѣть до нея непосредственное отношеніе.

Условія современной церковной жизни таковы, что для устроенія ея есть два выхода: или, стоя на точкѣ зрѣнія не-

зыблемости каноновъ и охраняя ихъ авторитетъ, составить соборъ изъ канонически правильно избранныхъ епископовъ или для выясненія современнаго положенія церковныхъ дѣлъ составить съѣздъ изъ наличныхъ іерарховъ и изъ свободно выбранныхъ представителей отъ клира, мірянъ и науки, не придавая этому съѣзду значенія помѣстнаго собора, а усваивая ему значеніе чрезвычайнаго общецерковнаго съѣзда.

Такое собраніе, неизбѣжно прежде всего для того, чтобы разрѣшить основной вопросъ нашей текущей церковной жизни: на какихъ началахъ и принципахъ строить ее въ дальнѣйшее время?

Намъ думается, что разрѣшать этотъ вопросъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ сдѣлало это предсоборное присутствіе, едва ли справедливо уже потому, что разрѣшеніе этого вопроса выходитъ изъ его компетенціи, а должно принадлежать Церкви. Какъ извѣстно, предсоборное присутствіе признало, что для уврачеванія современныхъ недуговъ необходимо возстановить строгое примѣненіе священной силы церковныхъ каноновъ.

По словамъ одного изъ видныхъ представителей консервативнаго большинства предсоборной комиссіи, защищающихъ интересы церковной власти, г. Бердникова („Церк. Вѣд.“, № 20, стр. 1192—1193, 1906 г.), по общепризнанному ученію православной Церкви, она „обязываетъ соблюдать правила, изданныя вселенскими и помѣстными соборами и святыми отцами (IV, 1, VI, 1, VII, 2) и беретъ клятву въ этомъ отъ епископовъ при ихъ посвященіи. Обязательное для всѣхъ членовъ Церкви, естественно, составляетъ неуклонный долгъ православнаго канониста“.

Къ сожалѣнію, эта точка зрѣнія на неизмѣняемость и незыблемость каноновъ создаетъ весьма крупныя затрудненія для историка Церкви и для догматистовъ. Если Церковь обязываетъ соблюдать всѣ правила, изданныя вселенскими и помѣстными соборами и святыми отцами, и если эти каноны не соблюдались до сихъ поръ не отдѣльными лицами, а не осуществлялись въ самомъ строѣ церковнаго управленія въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, то чрезъ это не колеблется ли уваженіе не только къ іерархіи, но и ко всей Церкви русской? Допустимъ, что задача нашего времени заключается не въ томъ, чтобы уврачевать современныя нестроенія церковныя

сообразно съ условіями текущей жизни и съ желаніемъ всей Церкви, а въ томъ, чтобы возстановить забытую силу каноновъ въ церковномъ управленіи, то не будетъ ли это означать, что въ теченіе синодальнаго времени всѣ епископы наши были сознательными нарушителями клятвы, присягавшими соблюдать каноны, но отъ нихъ отступавшими?

Прежде чѣмъ рѣшаться на леченіе недуговъ, необходимо выяснить, правильно ли избрано лекарство. Насколько общецерковна та точка зрѣнія на каноны, которая принята безъ согласія церковнаго голоса преобразователями, не является ли она плодомъ одностороннихъ стремленій, а не результатомъ спокойнаго воспроизведенія существующихъ церковныхъ воззрѣній?

„Совершенно неумѣстно“, поучаетъ г. Бердниковъ меньшинство предсоборной комиссіи, „аппеллировать къ Священному Писанію на ученіе и практику Церкви. Церковь не можетъ противорѣчить Священному Писанію въ своемъ ученіи и практикѣ“ („Церк. Вѣдомости“, 1906 г., № 20, стр. 1193). И мы не рѣшаемся думать, что если практика церковная не знала у насъ патріаршества въ теченіе двухъ вѣковъ и имѣла другія особенности въ своемъ строѣ и управленіи, то она погрѣшала, отступая отъ незыблемой силы каноновъ.

Прежде чѣмъ бросать камень осужденія на двухвѣковую церковную жизнь съ точки зрѣнія незыблемости каноновъ и предпринимать соотвѣтствующую ломку, необходимо услышать по этому вопросу не голосъ большинства предсоборной комиссіи, а голосъ всей Церкви русской. Необходимо знать, были ли нарушителями клятвы епископы синодальнаго времени, или же это обвиненіе вытекаетъ изъ односторонихъ воззрѣній современныхъ канонистовъ на каноны? Необходимо знать, въ немъ заключаются причины нестроеній церковныхъ и уже тогда рѣшать вопросъ, что предпринять для ихъ устраненія? Во всѣхъ этихъ вопросахъ нельзя отнять рѣшающаго голоса отъ клира и мірянъ, ибо не они обвиняются въ несоблюденіи каноновъ, а лишить ихъ права имѣть то или другое отношеніе къ наличной іерархіи невозможно... Еще до созыва помѣстнаго собора необходимъ общецерковный предварительный съѣздъ.

Проф. ***Николай Никольскій.***

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

1. **О Св. Синодѣ.** *Епископа Никодима.* (Изд. ред. Богосл. Вѣст. Ц. **10** к.

2. **О церковныхъ канонахъ.** а) *Проф. В. Н. Мышцына.* Насколько обязателенъ авторитетъ каноновъ? б) *А. В. Ельчанинова.* Каноны и церковная организація. Ц. **10** к.

3. **Къ вопросу о церковной рефомѣ.** 1) Проектъ заявленія относительно задачъ предстоящей церковной реформы, составленный группою профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи. Объяснительная записка къ проекту заявленія, составленная *Проф. Н. К. Никольскимъ.* 2) Соборъ или съѣздъ? *Проф. Н. К. Никольскаго.* Ц. **25** к.

4. **Объ отношеніи пастыря церкви къ современнымъ общественнымъ движеніямъ.** *Н. П. Попова.* Ц. **20** к.

5. а) **Бракъ, вдовство и безбрачіе православнаго духовенства.** б) **Историческіе прецеденты второбрачія православнаго духовенства въ XVIII в.** в) **Въ возстановленномъ адѣ.** *А. Пружанина.* Ц. **30** к.

6. **Н. Огневъ. Чѣмъ долженъ быть православный приходъ?** Ц. **5** к.

7. **Проектъ инструкціи священноцерковнослужителямъ Московской епархіи и разборъ его.** Ц. **20** к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ БРОШЮРЫ:

1. **О епархіальныхъ съѣздахъ.** Законоположенія о съѣздахъ. Составъ съѣздовъ. О лучшей постановкѣ съѣздовъ. Образцово устроенный Ярославскій епарх. съѣздъ въ 1905 г. Проекты положеній о съѣздахъ.

2. **Епископы-монахи.**

3. **Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.**

Складъ изданій у *П. Е. Юницкаго*, Москва, Бол. Спасскій, 4, кв. 1 и въ книжномъ магазинѣ *Ф. А. Дубровина* — **„Книжный Миръ“**, уголъ Петровки и Петровскихъ линій.